

Он помирил Стравинского и Прокофьева

Но, написав «Детей Розенталя», поссорил Большой театр с Госдумой

Недоверие широкой публики к музыкальному искусству XX века общеизвестно. Эта музыка нежеланна. С ней остались только неисправимые фанаты и милые чудачки. Авангард, слав мелодию, гармонию и ритм мюзиклам и року, отрекся от людей во имя чистоты творчества.

Леонид Десятников одним из первых сигнализировал о конце музыки XX века. Эксперименты со звуками исчерпаны. Изобрести больше нечего. Эпоха построения «нового мира» в музыке — своеобразный музыкальный коммунизм — окончена. Корабль «Авангард» покоем на дне. Остатки музыкальных коммунистов еще слепо сопротивляются, хотя иные из их вождей давно стали ренегатами и перебежчиками, иные пали в борьбе, а «генеральные секретари» Штокхаузен и Бьелз состарились вместе с идеей.

Музыка Десятникова никуда не зовет, ни о чем не ностальгирует. Исполненная умного скепсиса, лучится, как фонарик во тьме. Он показывает, как можно не выстраивать звуковые структуры, а создавать художественные продукты, питающие слушателя. В конце концов демонстрирует давно забытый фокус: творит мелодию немедленной действительности. Без заигрывания и перемигивания со слушателями.

Десятников — ходячая реклама восхитительной беспартийной свободы: он соблазняет, он дразнит ею,

не поступать на факультет композиции. Десятников, как фокусник, вынимает из материала «Лебедя» Сен-Санса потрясающий симфонический потенциал и разворачивает поэму крушения, увенчанную катарсисом. Думаю, сам Сен-Санс был бы ошеломлен. «Лебедь», конкурентоспособно сочиненный заново? Попробуйте повторите...

А несколько ранее мы стали свидетелями метаморфоз темы Прощальной симфонии Гайдна в «Вариациях на обретение жилища». Но самое невероятное совершил Десятников в «Старом шарманщике». В качестве темы взята песня Шуберта, в которой, кроме тонической квинты в аккомпанементе и скупой вокальной попевки, ничего нет. У Шуберта это образ полной опустошенности. И вот Десятников создает двадцатиминутные вариации на эту пустоту...

В опере «Дети Розенталя» композитор осуществляет запрещенное: вариации не на темы пяти композиторов, а на их персоналистические субстанции. Но накануне первого представления в Большом трясло газеты, ядом исходили и чистые, как весталки, «патриоты», и постоянно находящиеся под подозрением западники, и беззаветно преданные чему угодно «наши», и отщепенцы с очень интеллигентными лицами... То, с каким азартом надругались над произведением редкой

реально спасала поддержка музыкантов. Пианист Алексей Горюнов, певцы Владимир Напарин, Виктория Евтодьева, Татьяна Куинджи, Марат Галиахметов, скрипачи Илья Иоффе и Роман Минц, виолончелист Олег Ведерников, молодая труппа Большого театра, упоенно купавшаяся в музыке «Детей Розенталя», отдавали свой талант десятичной музыке, в которую верили. Случайно ли, что почти все они — москвичи?

Любимый город может спать спокойно. У Десятникова был один авторский концерт в Петербурге за всю жизнь...

А история симфонии «Зима священная 1949»? Симфония была непростая. Высший пункт творческой жизни Десятникова. Все, что за душой, человек в нее вложил. Но так, чтобы это не сразу поняли. Такой замаскированный реквием. По сталинским годам, по отцам-матерям. Текст английский — взят из советского школьного учебника английского языка, найденного на дачном чердаке. А издан тот учебник был в Москве в 1949 году. Писалась и дорабатывалась симфония целых восемь лет.

Само собой, оркестр большой, хор да еще два мальчика дуэтом соло должны петь. Санкт-Петербургская филармония нашла (говорят, искала не без труда) предлог для официального отказа исполнить многолетний труд композитора. Мировая премьера «Зимы священной» прошла за рубежом, в славной шиллеровской Йене. Дирижировал русский гамбуржец Андрей Борейко. Говорить об этой музыке бессмысленно: ее надо отжаться, пережить и быть готовым, что рана от нее не заживет никогда.

Моцартовский профиль, копна пепельных волос, грустные всезнающие глаза, дымящаяся сигарета в тонких пальцах, изящная небрежность, скользящая полуулыбка... Для меня Десятников — символ Петербурга. Редкий случай, когда образ города и образ человека сливаются. Родной его музыки мог быть только этот странный город, и никакой другой. Усталая красота, культура как повседневность, парение над почвой, северная экзистенция, воздух с легким дефицитом кислорода...

Кажется, композитор с удовольствием примеряет на себя постмодернистский маскарад. Не верьте, он морочит вам голову. Там все серьезно, взаправду, коснись — обожжет. Там некий знак, что будущее у культуры есть. Какое оно — говорить слишком рано.

«Мы живем в обществе, где музыка превратилась в дешевку, стала фоном. Чем-то вроде соски для младенца».

Леонид Десятников

он провоцирует восстание рабов, делая это изящно, походя, невзначай.

Его музыка мирит Стравинского и Прокофьева, споривших при жизни до хрипоты. «Артистическое благоразумие» (Адорно), манера работать с материалом, многоуровневая фильтрация у Десятникова — явно от Стравинского. От Прокофьева же — уважение к жизни и желание общаться с миром не на языке глухонемых.

Написанная в 1993-м по заказу из Сочи двуххоральная пьеса «В сторону Лебедя» — своего рода катехизис искусства Десятникова. Изучив эту вещь, можно

силы, повергло в шок. «Дети Розенталя» стали нашими «Цветами зла»?

В середине девяностых Гидона Кремера потянуло к людям: к танго Пьяццоллы, к песенкам Петра Лещенко... И тут в поле его зрения попал Леонид Десятников. Заказ следовал за заказом. Десятников стал эксклюзивным композитором выдающегося скрипача. Последовал успех на серьезных фестивалях. Кремер вытянул композитора из нищеты, сделал ему европейское имя... Да зачтется ему это.

А было время, когда композитор бедствовал, влача бездомное существование в Ленинграде. Мо-